

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VII

посвящается 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа
(монг. Д. Нацагдорж)

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2007

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), *Л. Г. Скородумова*, *Н. С. Яхонтова*

Проект реализован при финансовой поддержке Правительства Санкт-Петербурга

Монголика-VII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 144 с.

Сборник посвящен 100-летию со дня рождения Дашдоржийна Нацагдорджа (монг. Дашдоржийн Нацагдорж) (1906—1937) — выдающегося монгольского поэта, драматурга, писателя, переводчика, общественного деятеля, одного из самых образованных людей Монголии своего времени. Значение творчества Д. Нацагдорджа для культуры Монголии неосенимо. Его по праву можно назвать основоположником новой национальной реалистической литературы, воедино связавшим в своем творчестве фольклорные традиции и авторское литературное новаторство.

Основными авторами сборника являются преимущественно ученые петербургской школы, хотя многие из них работают в настоящее время, помимо Санкт-Петербурга, в научных центрах Москвы, Бурятии, Калмыкии, где сосредоточена отечественная монголистика.

Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольязычных народов существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

«Монголика-VII» имеет 7 разделов — «Литературоведение и фольклористика», «Историография и источниковедение», «Научные архивы востоковедов», «Наши переводы», «Новости научной жизни», «Рецензии», мемориальная часть сборника посвящена научному и художественному наследию Д. Нацагдорджа.

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-360-8

9 785858 033608

© Петербургское Востоковедение, 2007

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	.....	5
К. Н. Яцковская	Из рода «хранителей тайны огня»	10
Л. К. Герасимович	Еще раз о рассказе Д. Нацагдорджа «Слезы ламы»	20
Л. Г. Скородумова	Мифопоэтическая концепция в творчестве Д. Нацагдоржа (Опыт реконструкции текста)	23
Л. С. Дампилова	Д. Нацагдордж и современная монголоязычная поэзия	32
Литературоведение, фольклористика		
М. П. Петрова	Поэтика постмодернизма в романе Г. Аюрзаны «Долг в десять снов»	35
Б. С. Дугаров	Образ Хормусты в монгольской эпической традиции	37
К. А. Эдлеева	Жанрово-композиционное своеобразие магтала	41
Д. А. Николаева	Генезис мифоритуальных аспектов кругового танца «ёхор» у западных бурят	46
Д. Нансалма	Одежда монголов	54
Историография и источниковедение		
Е. И. Кычанов	Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингис-хана	57
Н. А. Лифанов	Род Тайчжиуд и начало монгольской государственности	59
А. Г. Юрченко	Кумысная церемония при дворе Бату-хана	62
Ю. И. Дробышев	Экологические сюжеты в средневековом монгольском законодательстве	71
В. Л. Успенский	Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. В. Попова	83
Научные архивы востоковедов		
	Из воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой	87
	Письма А. Д. Симукова к П. К. Козлову и Е. В. Козловой	102
Наши переводы		
	Из поэзии Д. Нацагдорджа	110
Ц. Тумэнбаяр	Уральская рябинушка	112
	Из современной монгольской прозы	114
Новости научной жизни		
	Конференция, посвященная Агвану Доржиеву (Санкт-Петербург, Россия)	120
	Конференция, посвященная эпосу «Джангар» (Урумчи, Китай)	123
Обзоры и рецензии		
	Обзор изданий на русском языке по монголоведению за 2006—2007 годы	126
	Рецензии	133
Некролог	.....	138
Summary	.....	140

Л. К. Герасимович

Еще раз о рассказе Д. Нацагдорджа «Слезы ламы»

В 1930 г. Д. Нацагдордж написал небольшой рассказ «Слезы ламы» («Лам бугайн нулимс») [1: 21—214], объемом в три с небольшим страницы, о злоключениях ламы, пожертвовавшего обетом ради плотской земной любви. Содержание его на первый взгляд довольно бесхитростно: Лодон гэвш, человек степенный и добрый, живет в монастыре Гандан. Однажды он встречается с известной своим распутством девицей, озабоченной, где раздобыть деньги на очередную порцию опиума. Под ложным предлогом (болезнь матери) она зазывает Лодона к себе в дом. Сначала тот отказывается, но затем, в расчете на щедрое вознаграждение, соглашается.

Дорога к дому такая грязная и зловонная, что ламе приходится закрывать лицо, чтобы не задохнуться от смрада. Дорога — очевидный метафорический образ, который все исследователи трактуют однозначно как метафору развратной жизни Цэрэнлхам (Иуй Бай-хуа).

Однако представляется, что может быть и другое толкование этого тропа. Грязь и смрад — аллегорическое предупреждение о том, что в совсем недалеком будущем ждет Лодона.

Оставшись ночевать, лама, не искушенный в плотских радостях, оказывается полонен искусными ласками профессионалки. С этой ночи он постоянно встречается с ней, а затем, продав свой богатый дом, и вовсе поселяется вместе с ней. Но очень скоро Цэрэнлхам заводит себе нового любовника, выгоняет Лодона из дома, и тому не остается ничего другого, кроме как обливать горячими слезами порог уже не своего дома.

В середине 60-х гг. XX в. в литературной газете «Утга зохиол урлаг» были опубликованы остродискуссионные статьи писателя Ч. Лодойдамбы и ученого Ш. Гадамбы о жанре рассказа Нацагдорджа и его смысловой сути.

В двух пространных статьях Ч. Лодойдамба утверждал, что Д. Нацагдордж написал трагический рассказ о Лодон гэвши, его большой и трепетной любви к Цэрэнлхам. Счастливый конец этой любви был невозможен, считает Ч. Лодойдамба, из-за лам-

ского обета, обрекающего Лодона на безбрачие. Автор статьи сравнивал историю Лодона с классическими трагедиями мировой драматургии [2; 3].

Заметим, кстати, что не обет безбрачия, а коварство бывалой проститутки привело любовь Лодона к печальному концу. Обет отнюдь не помешал ему какое-то время жить с Цэрэнлхам одним домом.

Доказательным доводом для Лодойдамбы, как, впрочем, и для других исследователей, служит конечное четверостишие рассказа:

Милая, я люблю тебя.
Куда мне теперь идти?
Пускай ты сошлась с другим.
Только меня не бросай.

Обратим внимание на две конечные строки. Представляется, что гораздо более, чем его оппонент, был прав Ш. Гаадамба, справедливо утверждавший, что «любовь втроем» — это не признак истинной любви, а грязная интрижка, несовместимая с высоким чувством [4].

С точкой зрения Ч. Лодойдамбы согласен и Д. Цэдэв. Он считает, что тот достаточно убедителен в доказательстве своего мнения [1].

Разделяет это суждение и К. Н. Яцковская: «В повествовании о необычной и обманутой любви нет прямой дидактики». И далее: «В обрисовке Лодона автор уходит от традиции перестановки готового сложившегося характера из одной ситуации в другую (мы можем видеть такой характер на примере Цэрэнлхам) к созданию, разработке психологического образа. Произведение невелико по объему, однако центральный герой предстает в развитии и претерпевает ряд кардинальных изменений» [5: 85].

Думается, однако, что менее чем в 40 строках даже гениальный писатель не может раскрыть, тем более психологически убедительно, эволюцию чувств от элементарного физического влечения до «необычной и обманутой любви».

Однако далеко не все монголоеды согласны с изложенной точкой зрения на рассказ Нацагдорджа «Слезы ламы». Прямо противоположного мнения

придерживаются Ш. Гадамба, Ц. Хасбатар, отчасти С. Лувсанвандан, Г. И. Михайлов, Л. К. Герасимович [4; 6: 143; 7; 8: 76]. Эти авторы считают рассказ Нацагдорджа сатирическим, высмеивающим ламу, предавшегося разврату, который и привел его к вполне предсказуемому печальному концу.

Попытаемся перейти от эмоций к объективным фактам. Обратимся к элементарной арифметике и текстологическому анализу рассказа.

Именно арифметика представляется в данном контексте вполне уместной. В рассказе Нацагдорджа «Слезы ламы» 139 строк. Менее трети текста автор отводит рассказу об отношениях Лодон гэвши и городской проститутки Цэрэнлхам. Собственно, вся история их связи умещается менее чем в двух абзацах. Возможно ли в таких пределах проанализировать становление, развитие и трагический конец в человеческих отношениях? Очевидно, нет. Автор к этому и не стремился.

Текстологический анализ рассказа «Слезы ламы» очевидно доказывает, что «любовь» Лодона к Цэрэнлхам сводится к элементарному физическому влечению неискушенной ламы к развратнице, которая «в совершенстве постигла науку оттачивания лезвия меча страсти». Последняя фраза и есть ключ к пониманию того, что хотел сказать Нацагдордж о «любви» ламы к Цэрэнлхам.

Любопытные и очень справедливые наблюдения сделал Д. Отгонсурэн в своей книге «Художественные особенности языка и стиля в произведениях Д. Нацагдоржа» [9]. Особенно интересны соображения автора о смысловом значении некоторых ключевых слов в рассказе «Слезы ламы».

Можно согласиться и с тем соображением Отгонсурэна, что Лодон и Цэрэнлхам, очевидно, противопоставлены друг другу и изображены по принципу антитезы: он — наивен и доверчив, она — развратна, цинична и лицемерна, он живет в Гандане, она — на грязной зловонной улице, он носит красно-желтое ламское одеяние, она — черно-белую одежду, ассоциирующуюся со шкурой змеи.

Особое внимание Д. Отгонсурэн обращает на то, что Д. Нацагдордж употребил в небольшом рассказе пять раз слово *ертөнцү* ('мир') в качестве определения со значением «обыденный, будничный, повседневный». Многие наблюдения Д. Отгонсурэна совпадают с мнением автора данной статьи.

Обратимся к некоторым лексическим особенностям тех фрагментов текста, в которых Нацагдордж описывает историю отношений Лодона и Цэрэнлхам.

Уже при первой встрече с девицей душу Лодона взволновал мирской туман (*ертөнций манан*), т. е. вожделение, желание, похоть.

Чуть позже в доме Цэрэнлхам туман стал превращаться в «жаркий огонь» (*ширүүн гал*) не первой влюбленности, а жгучей страсти.

Уговорив Лодона остаться ночевать, потчуж его ужином, опытная развратница более, чем того требовали обстоятельства, старалась коснуться гостя, а то и прижаться к нему. И в сердце ламы все более и

более усиливалось чувство одобрения доньне совершенно незнакомого ему мира (*ертөнцийг сайшаах*). Д. Отгонсурэн вкладывает в это словосочетание смысл: «непривычная, но очень приятная сторона мира (мирской жизни)». За один вечер Лодон забыл и свой дом в Гандане и бурханов в божнице.

Он ощутил непривычные, но очень приятные ощущения, его томило желание (*хүүхэнд халдахыг хүсэвч... лам тэсэж ядахдаа*), но сдерживала не робость влюбленного, а элементарный страх оказаться несостоятельным, слишком мал был его любовный опыт.

Однако сжигавшая ламу страсть (*тачаангуй гал дүрэлзэн бадрахад...*) все же привела его к вожделенной близости (*хүүхний өвөрт орё*). И тогда он забыл и о бренности всего земного, и о своем монашеском обете, все уплыло в другие миры, дальние святые места.

В этом же абзаце, даже не с новой строки, а в продолжение текста Нацагдордж пишет, что эта любовная связь (*ертөнций хэрэг*) доставляла ламе удовольствие бесчисленное количество раз. Словосочетание *ертөнцийн хэрэг* переводчиками на русский язык чаще всего передается как 'мирские дела'. Представляется, что это не совсем точное понимание слова *хэрэг*. Д. Отгонсурэн считает, что *ертөнцийн хэрэг* равнозначно понятию «мирские радости», «отношения между мужчиной и женщиной».

Заметим, кстати, что слово *хэрэг* имеет в том числе и значение 'преступное деяние', противоречащее закону действие. Отрицательный оттенок этого слова усиливается в сочетании с определением в родительном падеже¹ [10:765].

Представляется, что конкретное словосочетание *ертөнцийн хэрэг* может быть переведено как 'мирской грех'.

И далее сюжет рассказа разворачивается по заранее предопределенной логике. Лодон продает дом, чтобы поселиться вместе с Цэрэнлхам, затем расходует на ее все возрастающие прихоти деньги, отложившие на покупку более высокого сана. Земной мир, мир соблазна, опасностей и гибели окончательно заарканивает его (*цаламд нэгэнт урхилагдаж*), не оставляя возможности ни вырваться из него, ни порвать с ним (*юу гэвч гэжуугүй болсон*).

Почему-то все, убежденные, что Лодон гэвш испытывает к Цэрэнлхам высокие романтические чувства, умалчивают о его реакции на измену любовницы. А реакция эта весьма прозаична. Сначала Лодон приходит в естественную для обманутого любовника ярость, готов все вокруг сокрушить, а нового друга изменницы элементарно побить. Потом решает судиться с ней, но, сообразив, что суд несовместим с ламским званием, отказывается и от этого намерения. И что же собирается отсудить Лодон? Сожительницу? Или дом, который он потерял?

Осознав безвыходность своего положения, он обнял порог уже не своего дома и, проливая горькие мирские слезы, сказал:

¹ См.: *улс төрийн хэрэг* — 'антигосударственное дело' и др.

Куда мне теперь идти?
Пускай ты сошлась с другим,
Только меня не бросай!

Для Лодона вопрос не в том, как он будет теперь жить без любимой, а куда ему идти без пристанища и денег? Это соображение косвенно подтверждается и тем, что он обливал слезами именно порог (*босго*) дома. Но «порог» — метафорический образ самого дома: перешагнуть порог (*босго алхах*) — войти в дом, обивать пороги (*босго элээх*) — часто ходить в дом [11: 23].

Выше уже говорилось, что согласие на «любовь втроем» не может быть оправдано никакими самыми сильными чувствами, ибо это противоречит человеческой морали и нравственности.

Наконец, принципиально важно то, что любое литературное произведение существует в определенном историческом контексте. Трудно поверить, что в начале 30-х гг., в революционной ситуации борьбы с феодальным прошлым, Д. Нацагдордж, тогда еще не столько писатель, сколько революционный активист, мог написать произведение о ламе, вызывающем к себе сочувствие и сострадание. «Очевидно, что молодой революционер Д. Нацагдордж главной целью своего рассказа считал задачу вызвать отвращение к порокам прошлого. Читатели того времени не могли

жалеть и сочувствовать Лодону гэвши и Цэрэнлхам. Они могли испытывать к ним только отвращение и ненависть. Такова была атмосфера времени» [12: 55].

В этой же статье Ц. Хасбатар вспоминает, что в начале 30-х гг. играли пьесы-импровизации, высмеивающие феодалов и лам. Это было действительно так. В своей книге о монгольском театре Г. Уварова пишет, что образовавшийся в конце 20-х гг. новый драматический кружок все внимание сосредоточил на современной революционной тематике. В каждом спектакле-импровизации обязательно участвовали нойоны и ламы и противостоящий им революционер. Г. Уварова пишет: «В спектаклях-импровизациях был силен элемент буффонства. Речь идет не только о роли шута, но и о ролях хана, нойона, ламы, то есть всех отрицательных персонажах, образы которых решались в приемах буффонады» [13].

Представляется, что элементы буффонства есть и в рассказе Нацагдорджа. Это хорошо сформулировал С. Лувсанвандан: «Так судьба гэвш Лодона обернулась для него нелепым положением» [6: 143].

Обманутого человека всегда жалко. Досадно, что слабый и непрактичный человек стал жертвой наглой и циничной проститутки. И с этим можно безоговорочно согласиться. С этим, но не с тем, что история Лодон гэвши — история его трагической любви.

Литература

1. *Дашдоржийн Нацагдорж*. Бүрэн түүвэр. Улаанбаатар, 1996.
2. *Лодойдамба Ч.* Нэгэн гайхамшигт өгүүллэгийн тухай // Утга зохиол урлаг. 1964. № 11.
3. *Лодойдамба Ч.* Баримт тушиж ярих сайхан // Утга зохиол урлаг. 1965. № 4.
4. *Гаадамба Ш.* Нэгэн гайхалтай өгүүллэгийн тухай // Утга зохиол урлаг. 1964. № 51.
5. *Яцковская К. Н.* Дашдоржийн Нацагдорж. М., 1974.
6. *Лувсанвандан С.* Дашдоржийн. Нацагдорж // Монголын орчин үеийн уран зохиолын товч түүх. Улаанбаатар, 1968.
7. *Михайлов Г. И. Д.* Нацагдоржийн уран бүтээлийн уламжлал, шинэчлэл // Утга зохиол урлаг. 1969. № 4.
8. *Герасимович Л. К.* Литература Монгольской Народной Республики (1921—1964). Л., 1965.
9. *Отгонсурэн Д. Д.* Нацагдоржийн зохиолын хэл найруулга уран сайхны онцлог. Улаанбаатар, 1984.
10. *Дамдинсурэн Ц.* Монгол хэлний товч тайлбарлах толь. Улаанбаатар, 1966.
11. *Аким Г.* Монгол — орос өвөрмөц хэлний товч толь. Улаанбаатар, 1985.
12. *Хасбаатар Ц.* Нацагдоржийн өгүүлэлт зохиолд хийсэн зарим нэг ажиглалт // Д. Нацагдоржийн уламжлал утга зохиолын өнөөгийн зангилаа асуудлууд. Улаанбаатар, 1990.
13. *Уварова Г.* Современный монгольский театр. 1921—1945. М.; Л., 1947.